

⁸ Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908. С. 142.

⁹ Архангельская Н. Полчаса от дома до работы // Эксперт. 2008. 18–24 августа. № 32 (621). С. 60, 63.

И.В. ПОБЕРЕЖНИКОВ

МОДЕЛЬ ФРОНТИРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ИСТОРИИ РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ*

Классический модернизационный анализ фокусировался на национально-страновой уровень, поэтому именно страна выступала в качестве основной аналитической единицы в большинстве модернизационных исследований, в частности, в работах, базировавшихся на компаративно-исторической методологии. Гораздо меньшее внимание уделялось субстрановым измерениям модернизации, недостаточно исследованными оставались пространственно-региональные аспекты модернизации. Между тем процессы модернизации имеют не только темпоральное, но и пространственное измерение; они приобретают удивительное своеобразие и неповторимость в зависимости от времени и места: геополитического положения региона, его исторического наследия, уровня социально-экономического, политического и культурного развития на момент начала ускоренного роста, специфики национального менталитета и т.д. Пространственные аспекты затрагивались представителями модернизационной парадигмы преимущественно в рамках применения сравнительно-исторического подхода. Исследователи, к нему прибегавшие, обычно рассматривали в компаративном плане эволюцию двух или более обществ (обыкновенно стран), выделяя общие и особенные черты модернизации. Сравнительно-исторический подход реализовался в творчестве таких представителей модернизационной парадигмы, как С. Блэк, С. Эйзенштадт, Д. Растоу, С.М. Липсет, Б. Мур, Р. Бендикс, Г. Тёрборн и др. Внимание исследователей при этом фокусировалось на таких переменных как институты, культура, лидерство. Сравнительный подход был направлен на выявление: 1) общих стадий или фаз, через которые должны проходить все общества; 2) особых путей, которыми могут двигаться общества; 3) комбинаций подобных «вертикальных» и «горизонтальных» категориальных классификаций. Представляют интерес бинарные сравнительные исследования, в рамках которых сопоставлялись две стра-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ НШ-6582.2012.6.

ны (например, сравнение России и Японии в исследовании под руководством С. Блэка, США и Японии — в работе С.М. Липсета, США и СССР — в исследовании П. Бергера). Подобный подход позволяет выявлять общие и специфические характеристики модернизации в истории конкретных регионов (обыкновенно — стран)¹. Следующее направление, имеющее отношение к пространственным аспектам модернизации, — так называемые ситуационные исследования (case study; в качестве объекта изучения берется конкретный регион, обычно страна), которые получили распространение в последнее время². Сторонники ситуационных исследований используют теорию модернизации для объяснения уникальных конкретных (региональных) аспектов развития. В целом можно отметить, что пространственные аспекты в некоторой степени были включены в орбиту внимания представителей модернизационной парадигмы. Но полученные результаты относятся преимущественно к разработке страновых вариантов модернизации (скорее даже особенностей отдельных аспектов модернизации применительно к конкретным странам). Субстрановой уровень пространственной динамики в рамках модернизационных исследований до сих пор освещен весьма слабо.

Применительно к российской истории пространственное измерение заслуживает особого отношения. Дело в том, что пограничное месторасположение страны в целом между различными цивилизационными мирами оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на ее исторические судьбы и цивилизационную специфику, существенно усложняя последнюю. Колоссальное пространство России, разнообразие ее природно-климатических условий, богатство полезными ископаемыми имели неоднозначные последствия для исторической динамики страны в целом и отдельных ее сфер. Пространственный фактор оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию. Исторически получилось так, что по меньшей мере на протяжении XVIII — начала XX в. российская модернизация осуществлялась в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения новых земель и их освоения. Данная особенность странового развития не была уникальной, характерной только для России, она проявлялась также в истории таких стран как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия.

Представляется, что модернизацию в условиях незавершенного освоения можно квалифицировать как фронтирную. Как известно, концепция фронта, сформулированная в начале 1890-х гг. американским исследователем Фр.Дж. Тернером для объяснения истории США XIX в., стала удобным познавательным инструментом для изуче-

ния стран, в прошлом которых существенную роль играла колонизация, континентальная экспансия, имелись «свободные земли», были свои «запад» и «восток». При этом последователи концепции Тернера расширили понимание фронта, показав односторонность тернеровского представления о пограничных условиях как ключевом факторе формирования страновых особенностей и обратив внимание на несомненную значимость для истории общества традиций, «ввезенных» из метрополии, характера и степени интенсивности взаимоотношений «ядра» и «границы», «запада» и «востока»³.

Попытаемся концептуализировать модель фронтальной модернизации применительно к истории России (автор уже предпринимал попытки ее концептуализации применительно к восточным регионам страны)⁴. Следует начать с того, что условия присоединения и освоения оказывали воздействие на дальнейший ход модернизации. Так, А. Каппелер выделяет 5 этапов-направлений формирования территории Российской империи: 1) «собираание русских земель» с середины XV до начала XVI вв.; 2) борьба за наследие Золотой Орды на восточноевропейской и североазиатской территории со второй половины XV до конца XVI вв., сопровождавшееся завоеванием Россией Казанского, Астраханского и Сибирского ханств (в какой-то мере продолжением собирания земель монгольской империи стало в XIX веке присоединение Казахстана и Средней Азии, завершившееся уже в контексте типичной колониальной экспансии); 3) присоединение в XVII в. Сибири, главной движущей силой чего выступали экономические цели, прежде всего, добыча драгоценных мехов; 4) добровольное подчинение власти московского царя в XVII в. Украины; 5) имперская экспансия со времен Петра I как в западном, так и в восточном направлениях. При этом А. Каппелер справедливо указывает на разнообразие методов интеграции новых территорий и их населения в состав России, что обуславливалось множеством факторов: было ли оказано жителями регионов военное сопротивление русским или присоединение осуществлялось добровольно; насколько обоснованными были притязания России на новые территории; насколько отличались новые области и их население от России и русских в экономическом, социальном, политическом, культурно-конфессиональном плане; каковы были международная ситуация и возможные реакции других государств⁵. Для нас важно подчеркнуть то, что исторически формировавшиеся в первичном русско-православном ядре и в зонах фронтиров освоения регионы в итоге различались административно-управленческими, хозяйственными, социально-сословными, этнокультурными ландшафтами, что созда-

вало предпосылки для вариации степени их проницаемости для импульсов модернизации.

Для России как страны фронтальной модернизации был характерен освоенческий синдром, что выразилось в подвижности населения; дифференциации пространства страны на центр (ядро) и периферию, различавшиеся по демографическим, социальным, экономическим, административным, культурным признакам; в наличие доступных пограничных областей, богатых ресурсами и служивших клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов; в возможности для лиц и групп, считавших себя незаслуженно обиженными, не сумевших обеспечить себе удовлетворительных условий существования, мечтавших культивировать нетрадиционные представления, переселиться в пограничные области; в потребности в дополнительной рабочей силе, необходимой для разработки избыточных ресурсов; в проблеме адаптации и ассимиляции, возникавшей вследствие притока мигрантов на периферийные территории; в растянутости по времени колонизационных процессов (заселение, аграрное, промышленное освоение); в экстенсивном характере аграрной экономики; в региональных, этнокультурных контрастах и диспропорциях, в различной степени заселенности и освоенности территорий; в социально-сословной и этноконфессиональной мозаике и т.п. Хорошо известно, что присоединение новых территорий продолжалось и в XIX в. (Кавказ и Закавказье, Средняя Азия, Дальний Восток). Наличие больших массивов слабозаселенных территорий создавало предпосылки для дальнейшего переселения, миграций, разрядки демографического давления в густонаселенных районах. Еще В.О. Ключевский заметил: «История России есть история страны, которая колонизируется. ... Так переселение, колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты»⁶. Колонизация тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла низкотехнологичные уклады в центре страны, транслировала их на периферию, ослабляя таким образом целый ряд модернизационных по своей природе процессов, таких как урбанизация, индустриализация и т.д.

Земли, которые присоединялись или относительно недавно присоединенные территории, к которым, в частности, можно отнести восточные регионы России — Урал и Сибирь, продолжали осваиваться в эпоху модернизации, когда страна в целом проходила прото- и раннеиндустриальную стадии модернизации. Так, только с середины XVIII в. началось мощное земледельческое освоение Южного Урала (Оренбург

жье). Большие массивы свободной земли были распаханы в Башкирии, Предуралье и Зауралье во второй половине XIX — начале XX вв. Аграрное освоение региона создавало базу для обеспечения местной промышленности собственным хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами. Что касается Сибири, то в XVIII — XIX вв. продолжался процесс присоединения и закрепления территорий на юге региона, а также на Дальнем Востоке; продолжалась нарастающими темпами аграрная колонизация⁷.

Кроме того, интенсивное развитие на Урале, а затем и на юге Западной Сибири, на Алтае, получила промышленная колонизация, развернувшаяся в первой половине XVIII в. Уральский историк В.Г. Железкин выделяет следующие характерные черты ранней индустриализации колониационного типа на Урале: 1) в качестве организационной формы промышленности крупная металлургическая мануфактура с цеховым и внутрицеховым разделением труда, которая возникала без промежуточных стадий и вытесняла мелкотоварное производство не конкурентоспособностью, а с помощью запретительных мер (указ сибирского губернатора 1717 г., закон об «огнедействующих» заведениях); 2) многопрофильное хозяйство, базирующееся на латифундиальной земельной собственности, а не завод как таковой, в качестве основной отраслевой единицы; следствие этого — основная отрасль — не металлургия, а горнозаводское дело, которое объединяет целый ряд производств (в традиционной, а не колониационной модели развития промышленности, они обычно функционируют как отдельные отрасли: добыча руды, углежжение, металлургия, металлообработка, транспорт, промышленное строительство и т.д.); 3) принудительная мобилизация рабочей силы путем прикрепления различных социально-сословных групп и категорий населения к заводам, в том числе с переселением их из других районов; 4) доминирующая роль государства в регулировании промышленного развития, компенсирующая недостаточное развитие внутреннего рынка; покровительственная политика государства переходит в административное вмешательство в дела промышленности, государство выступает в роли крупнейшего заводовладельца; рынок преимущественно регулирует лишь размер денежной прибыли от продажи металла. Вероятно, эти характеристики с определенными поправками можно экстраполировать и на Сибирь.

Расширение территории, с одной стороны, увеличивало ресурсы для хозяйственного развития, способствовало складыванию обширного внутреннего рынка, но при этом объективно создавало предпосылки и возможности для ориентации на самодостаточное, автарки-

ческое развитие. Россия по существу представляла собой, по терминологии Ф. Броделя, мир-экономику, т.е. самодовлеющую структуру, которая «затрагивает лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство»⁸. Вследствие того, что Россия представляла собой мир-экономику со своим собственным институциональным порядком, взаимодействия с другими мирами-экономиками были чреваты для нее значительными трансакционными издержками, которых она, естественно, стремилась избежать.

Необходимо также учитывать то, что доминирующий восточный вектор российской колонизации со временем увеличивал удаленность страны от моря, что в плане торговли способствовало росту транспортных издержек при перевозке товаров и делало более дорогостоящей интеграцию страны в международное разделение труда⁹. В то же время огромные пространства затрудняли создание транспортной инфраструктуры для обеспечения налаженной и скорой связи потребителей с производителями, для нормального функционирования рынка. Недооценивать данное обстоятельство в контексте модернизационных процессов не следует, поскольку транспортный фактор имел решающее значение для становления современного индустриального общества. Поскольку организация рыночной инфраструктуры в определенном смысле есть покорение пространства, постольку для России, в силу ее территориально-климатических условий, данный процесс был в значительной степени заторможен. Очевидно, что в контексте фронтальной модернизации транспортному фактору принадлежит повышенная роль. Хорошо известно, какое значение для индустриализации и интеграции стран имело железнодорожное строительство в США и Канаде в XIX в. Железные дороги также ускорили развитие Урала, Сибири и Дальнего Востока, стимулировали рост промышленности, городов. Благодаря созданию общеуральской железнодорожной сети был образован рынок промышленного сырья и топлива, получили развитие внутрирегиональные экономические связи, был дан импульс регионализации социально-экономических и социокультурных процессов в крае. Единственная в России к началу XX в. трансконтинентальная железная дорога, Транссиб, соединившая Сибирь с европейской частью страны, сразу же способствовала ликвидации былой обособленности региона, интенсификации хозяйственного освоения восточных районов, стимулировала миграцию и переход сельского хозяйства к рынку. Строительство Транссибирской магистрали явилось крупнейшим со-

бытием промышленной революции в Сибири: относительно дешевая и надежная доставка оборудования облегчила обеспечение новейшими механизмами, паровыми и электрическими двигателями сибирской промышленности. Вообще, последовательность индустриализации в Сибири и в Европейской России существенно отличалась: если в последней модернизация последовательно охватывала легкую, затем тяжелую промышленность, транспорт и т.д., то в Сибири промышленный переворот, как считают специалисты, начинался именно с транспорта, с водного транспорта, а затем — с железной дороги, которые создавали условия индустриализации прочих промышленных секторов¹⁰.

Необходимо при этом учитывать, что значительная часть вновь присоединенных территорий, особенно на востоке, отличалась суровыми природно-климатическими условиями (холодный, засушливый континентальный климат), мало благоприятные для ведения сельского хозяйства, сезонного и находившегося в сильной зависимости от климатических колебаний, что не могло не сказываться негативным образом на общей динамике экономических и социальных отношений. Так, по мнению Л.В. Милова, следствием низкого естественного плодородия почвы и недостатка в силу климатических условий рабочего времени являлись невысокий уровень производительности труда и агротехнической культуры, что повлекло учреждение крепостнического режима как механизма распределения и перераспределения небольшого по объему прибавочного продукта, укрепление государства — гаранта крепостнической системы, а также длительное сохранение общинных форм жизнедеятельности среди крестьян, обеспечивавших солидарное поведение последних в хозяйственной, социокультурной и прочих сферах¹¹. Впрочем, недостаточно благоприятные природно-климатические условия могут стимулировать и интенсификацию труда, создавая, таким образом, предпосылки для социального и экономического прогресса. В литературе уже обращалось внимание на отсутствие жесткой зависимости между природно-климатическими условиями и уровнем социально-экономического развития, что ярко иллюстрируется хозяйственным и социальным прогрессом, достигаемым в неблагоприятной географической среде, и, наоборот, стагнацией или регрессом в экологических нишах, вроде бы запрограммированных на противоположный результат¹².

Еще одно важное следствие продолжающегося фронта — это необходимость обеспечения условий для мирного стабильного развития в ситуации «пограничья» и наличия порой враждебного «соседства».

Вообще со времен раннего средневековья больших усилий от страны требовало противостояние «степной» угрозе. По мере расширения территории страны возрастала потребность в обороне преимущественно открытых границ, в организации контроля над обширными пространствами. Находясь во враждебном окружении, страна постоянно вынуждена была доказывать свое право на существование, на суверенитет. В связи с этим политические процессы обгоняли экономические — достаточно сильное централизованное государство, необходимое в условиях низкой плотности населения, особенно на окраинах, и небольшого по объему прибавочного продукта для обеспечения обороны от внешней агрессии, независимости, сложилось относительно рано, не имея адекватной экономической основы. Раннее формирование достаточно эффективного традиционалистского государства, накопившего длительный опыт централизованного управления в противостоянии внешним угрозам, имело серьезные последствия для динамики и характера начавшейся позднее модернизации. Именно традиционалистские правительства обыкновенно инициировали программы ограниченной или защитной модернизации, разрабатывавшиеся в значительной степени для консервации традиционного общества и защиты его от более интенсивных и радикальных изменений.

Раннее складывание сильного государства обусловило высокую степень централизации государственной администрации, в том числе институтов, отвечавших за разработку и проведение хозяйственной политики. Догоняющая природа российской модернизации, ее мобилизационный характер лишь усиливали роль централизованного государственного аппарата, осуществлявшего контроль за трудовыми отношениями, проведение политики таможенного протекционизма, занимавшегося созданием корпораций и ряда монополий¹³.

Неизменное доминирование политических целей над хозяйственно-экономическими как следствие специфического пути развития, обусловленного в конечном счете географическими факторами, сохраняло силу в контексте российских модернизаций. Показательно, что в ежегодном всеподданнейшем докладе министра финансов в 1903 г. С.Ю. Витте, касаясь распределения ограниченных бюджетных средств, ставил вопрос о том, какая же потребность всего настоятельнее для государства: «Очевидно та, удовлетворение которой обеспечивает самое существование государства, его внешнюю неприкосновенность. Для этой цели население несет личную повинность и уплачивает большую часть налогов, получая взамен неоценимое и несоизмеримое ни с какими материальными благами сознание того, что под державным руко-

водством своего Верховного Вождя каждый из верноподданных Вашего Величества, его семья, имущество и вся родная земля находятся в безопасности от внешнего врага... Мы состоим под действием железного закона — обращать на удовлетворение культурных потребностей лишь то, что остается после покрытия расходов на оборону страны»¹⁴.

Что касается «фронтирных» территорий, то их характерным признаком являлась заметная милитаризация, проявлявшаяся в размещении фортификационных сооружений, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований (Яицкое (Уральское), Оренбургское казачество, Башкиро-мещерякское войско на Урале; Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское казачьи войсковые организации — в Сибири и на Дальнем Востоке)¹⁵, установлении особых военизированных форм администрации (военный губернатор, генерал-губернатор, наместник).

При этом административное освоение порой опережало хозяйственное и социокультурное. Основные принципы и этапы административной интеграции восточных регионов в единое имперское пространство, своеобразного «административного фронта», были довольно точно сформулированы, как отмечал историк А. В. Ремнев, в отчете восточно-сибирского генерал-губернатора Д. Г. Анучина за 1879 г.: первоначально на вновь присоединенных территориях вводится сильная и в значительной степени автономная военно-административная система управления в виде генерал-губернаторства или наместничества, сохраняются традиционные институты власти для аборигенного населения, создаются лишь самые необходимые государственные учреждения на местах, прежде всего полицейские и фискальные; со временем, по мере упрочения связей «окраины» с «ближайшими частями государства, когда тяготение к русскому центру укреплялось вполне и местные условия сглаживались и приближались к общим русским, правительство решалось ввести такую область в общую систему управления и непосредственно подчинить ее центральным правительственным установлениям»¹⁶. С этой точки зрения, резюмирует А. В. Ремнев, существовавшее административное устройство Сибири рассматривалось как «переходная форма».

Маркером фронтирной модернизации выступает разновекторная диффузия как традиционной, так и современной природы. Освоение предполагает интенсивную контактность, складывание в регионе многоэтнического по составу населения. В результате миграционных процессов носители разнообразных этнокультур оказываются в новых географических и климатических условиях, вступали в контакты с представите-

лями иных культур и менталитетов. Процесс освоения новых пространств требовал максимального разнообразия культурных навыков и резюмировался формированием различных хозяйственно-культурных типов. Нередко новые природно-климатические условия оказывались контрастно несхожими с условиями мест выхода, порой экстремальными для переселенцев. Шанс выжить в подобных ситуациях прямо зависел от потенциальных возможностей культуры мигрантов-колонистов адаптироваться к новым условиям. Этот процесс мог быть облегчен этнокультурным взаимодействием и заимствованиями из культур автохтонных народов, уже приспособившихся к специфической среде обитания. С другой стороны, контакт местного населения с пришлым создавал и для первого предпосылку для совершенствования собственной культуры. На все эти диффузионные процессы традиционного типа модернизация накладывала трансфер технологий, социальных институтов, культурных ценностей западного, преимущественно — западноевропейского, происхождения¹⁷.

Естественное следствие разнонаправленной диффузии, продолжения освоенческих процессов, межэтнической миксации, интерференции диффузий традиционного и современного типов — конгломератность общества и пространства, усиление социокультурной, региональной, хозяйственной фрагментарности и асимметрии как в страновом масштабе, так и на уровне субстрановых регионов.

Таким образом, к характеристикам фронтальной модернизации в России XVIII — начала XX вв. можно отнести сохранявшее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, особую роль военно-административного элемента, гетерогенность в социальном, экономическом, культурном отношениях. Характер и динамика модернизации могли существенно различаться во фронтальных обществах в зависимости от их размеров, времени начала модернизации, доминирующих в обществе институтов, выбора стратегии экономического развития, роли государства и рынка как механизмов развития.

Примечания

¹ См.: The Modernization of Japan and Russia. A comparative study. N.Y.; London, 1975; Lipset S.M. Binary Comparisons. American Exceptionalism — Japanese Uniqueness // Comparing Nations: Concepts, Strategies, Substance / Ed. by M. Dogan and A. Kazancigil. Oxford; Cambridge, 1994. P. 153—212; Бергер П. Капиталистическая революция. 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. М., 1994.

² Например, см.: Kazancigil A. The Deviant Case in Comparative Analysis. High Stateness in a Muslim Society: The Case of Turkey // Comparing Nations... P. 213—238; Цаф В., Хабих Р., Бульман Т., Делей Я. Германия: трансформация через

объединение // Социс. 2002. № 5. С. 19–37; Шпедер Ж., Элекеш Ж., Гарча И., Роберт П. Очерк трансформации в Венгрии // Там же. С. 37–59; Wong Siu-Lun. The Applicability of the Asian Family Values to Other Sociocultural Settings // Berger P.L. and Hsiao Hsin-Huang M. (eds.). In Search of an East Asian Development Model. New Brunswick, NJ: Transaction, 1988. P. 134–154; Также см.: So A.Y. Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990. P. 63–65.

³ Тёрнер Ф.Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009; Саймонс А.М. Социальные силы в американской истории. М., 1925; Кук Р. Граница и метрополия: опыт Канады. (XIII Международный конгресс исторических наук. М., 16–23 августа 1970 г.). М., 1970; Кушнер Г. Постоянство «идей границы» в американской мысли // Новый взгляд на историю США: Американский ежегодник, 1992. М., 1993; Шейд У. Дж. Не только граница: значение Фредерика Джексона Тернера для исследования ранней республики // Американский ежегодник, 2002. М., 2004; Ефимов А.В. «Свободные земли» Америки и историческая концепция Ф.Д. Тернера // Из истории общественных движений и международных отношений / Сб. памяти в память ак. Е.В. Тарле. М., 1957; Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.

⁴ Побережников И.В. Модель фронтальной модернизации (на примере восточных регионов России в XVIII–XIX вв.) // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты / Материалы межрегиональной научной конференции, 30 июня – 2 июля 2010 г. Новосибирск: «Параллель», 2010б. С. 34–41; Он же. Особенности фронтальной модернизации (на примере Урала XVIII–XIX вв.) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 11. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010; Он же. Административный фактор в рамках фронтальной модернизации Сибири (XVIII – начало XX в.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. Материалы VII Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск: Нонпарель, 2011. С. 24–29; С. 202–210; Он же. Азиатская Россия: фронтир, модернизация // Известия УрГУ. 2011. Сер. 2: Гуманитарные науки. № 4 (96). С. 191–203.

⁵ Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под. ред. А.И. Миллера. М., 2004. С. 98–108.

⁶ Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. М., 1987. Т. I: Курс русской истории. Ч. 1. С. 50–51.

⁷ Шиловский М.В. Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII – начале XX вв. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург, 2008. С. 648–653.

⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1922. Т. 3: Время мира. С. 14.

⁹ См.: Нольте Г.-Г. Западная и Восточная Европа перед лицом глобализации / Экономическая теория на пороге XXI века – 7: Глобальная экономика. М., 2003. С. 593.

¹⁰ Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005; Букин С.С., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX – начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 1. С. 66–73; Супоницкая И.М. Опыт освоения земель: Сибирь и Запад // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: Образы, мифы, реальность / Материалы международной конференции, посвященной 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США, РГУ (Москва), 21–22 февраля 2007 г. М., 2007; Она же. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М., 2010; Тимошенко А.И.

Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск, 2007.

¹¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 39–41.

¹² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. С. 53–65.

¹³ См.: Алексеев В.В. Промышленная политика как фактор российских модернизаций (XVIII–XX вв.) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 350-летию Н.Д. Антуфьева-Демидова. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2006. С. 6–14.

¹⁴ Цит. по: Дроздова Н.П. Неонституциональная концепция экономической истории России: постановка вопроса // Экономическая теория на пороге XXI века – 2. М., 1998. С. 694.

¹⁵ История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1: XVI – первая половина XIX века; Т. 2: Вторая половина XIX – начало XX века; Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика русского правительства в Западной Сибири в XVIII в. / Автореф. дисс. ... к.и.н. Свердловск, 1990; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI–XVII вв. СПб., 2010; Кауфман А.О. Артиллерия Кузнецка XVII – первой половины XVIII вв. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 5–11; Пережогин А.А. Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005.

¹⁶ Цит. по: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2. С. 63.

¹⁷ Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007; Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург, 2011; Курлаев Е.А., Корепанов Н.С., Побережников И.В. Технично-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. Екатеринбург, 2011.

А.В. СПЕРАНСКИЙ

МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: ПЕРЕКРЕСТОК МНЕНИЙ*

Основоположники теории модернизации, зародившейся в поле западной методологии в 1950–60-х гг., выделяют в истории мировой цивилизации два цикла: традиционное (аграрное) общество и современное (индустриальное) общество. По мнению адептов этой концепции, переход от одного обозначенного цикла к другому и есть суть самой модернизации. Она представляется в виде всеобщего глобального процесса, втягивающего в свою орбиту все страны и народы мира. В высоко развитых странах модернизация комплексно охватывает все сферы

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ НШ-6582.2012.6 и по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН. Проект № 12-Т-6-1003.